28.05.99
Дибров Дмитрий

Фото Виктора ГОРЯЧЕВА.

Дмитрий ДИБРОВ:

Быть ведущим - просто до остервенения

Комс. правда. – 1999. 28 мая. – С. 10

Выступления Дмитрия Диброва в «Старом телевизоре» закончились в тот день, когда он пригласил на эфир хулиганствующего ортодокса - писателя Раскина. Ортодокс рассказал анекдот с употреблением четырехбуквенного слова на «ж», Дибров посмеялся. Кого из серьезных чиновников угораздило посмотреть именно этот эфир «Старого телевизора», история умалчивает. Но только на следующий же день Диброва решено было заменить на благонадежного Бориса Ноткина.

Чуть позже стало известно, что любимое детище Диброва - ночная «Антропология», которую он вел год назад на «Телеэкспо», с 31 мая начинает выходить на НТВ.

- В итоге эфир с Раскиным оказался вам на руку: вы снова делаете «Антропологию».

- Я-то Лене Парфенову с самого начала предлагал себя в качестве антрополога. Тогда из-за материальных проблем не получилось. А сейчас все повернулось наилучшим образом. Ведь сразу же было понятно, что я не вполне дневной человек.

- Значит, целый год в «Старом телевизоре» прошел в тоске по «Антропологии»?

- В «Старом телевизоре», в рамках одного только жанра - кино - мне было тесновато (уж не знаю, удалось ли это скрыть). Ведь только разговор достигал точки кипения, когда, глядишь, и появлялась любопытная мыслительная конструкция, как надо было его прервать, чтобы показать видеоматериал, составляющий основу программы.

- На НТВ замену вас на Бориса Ноткина официально объяснили тем, что «Старый телевизор» - программа для старшего поколения, а Дибров - слишком молодой ведущий. Вы сами-то знали, что вели программу для пенсионеров?

- Если то, что ты делаешь, - творчество, наполненное животворной энергией Вселенной, самые разные люди найдут время посмотреть эту программу. В магазинах, где продаются телевизоры. В администрации президента. И уж как показывает опыт с бедным писателем Раскиным, они посмотрят ее даже там, где принимаются важные политические решения. Вот вам и пенсионеры.

- Ноткина в отличие от вас зрители в эфире не ругают. Значит - приняли?

- Борис Исаевич огражден от критических звонков: они отфильтровываются. Действительно, зачем ставить человека в неловкое положение? У него в гостях - известные люди, а тут зритель спрашивает: «Куда делся Дибров?» А я люблю именно такие звонки. Чем неудобней вопрос, тем лично мне - лучше. Я знаю, что с этим делать. А когда меня хвалят принародно - не знаю. Оборвать как-то неудобно, но и выслушивать с улыбкой - нехорошо.

- А скромно потупиться?

- Ну, разве что потупиться. Но, с другой стороны, возникает вопрос: «А чего ты, идиот, потупился? У тебя время летит, это же дорогая игрушка - время на НТВ». Поэтому я и оказывался в сложном положении.

- Перенос «Антропологии» на НТВ предполагает изменения в программе?

- НТВ - информационное вещание. А значит, и «Антропология» должна быть более информационной. В отличие от предыдущего опыта, когда я приглашал на эфир людей, которые уже произвели культурное событие, очень хочется, чтобы в новой «Антропологии» культурные события происходили собственно в студии. Я вот сплю и вижу, как бы заполучить Башмета, чтобы он заставил свой альт плести варварские этнические и кислотные холсты. А может, это будет не обладатель звездной фамилии, а какой-нибудь рязанский парень. Если то, что он делает, окажется искусством - почту за честь.

- Кто будет судить - искусство это или нет?

- Вот в этом-то и моя миссионерская роль. Я. Я буду судить. И, помимо всех кармических предпосылок, потому я могу судить, что не беру за участие в программе денег. Стало быть, это не Тверская, а любовь - раз нет денег. Нет у меня никакого прагматического интереса. Кроме одного: я требую, чтобы «Антропологию» смотрели. А как я заставлю человека ночью смотреть телевизор, кроме как наилучшим образом ухитрившись услужить ему? Значит, тот, кто принесет мне свое произведение, будет вынужден ответить на вопрос: «А какой из этого практический толк моему зрителю?»

- Как-то странно слышать от вас слово «услужить».

- Мне было обидно, что некоторые мои проекты не пользовались большим вниманием, а теперь я их сам пересматривать не могу. Сейчас-то мне видно, до какой степени они холодны. В них нет любви к людям, они совершенно неполезны. Там есть эстетические завоевания, но это удел моих коллег по цеху и узкой прослойки интеллектуалов. Это ж не служение. Разве что служение самому себе: «Вот я нашел новое поле для применения своих безграничных одаренностей!» Это акт ментальной мастурбации.

- А как же то парадоксальное телевидение, за которое вы ратовали пару лет назад?

- Хорошая программа или плохая, решает рейтинг. Навязать что-то зрителю против его воли невозможно. Да если бы зритель только знал, до какой степени мы зависимы от него. На нашей стороне тысячи камер, прожекторов, нас такая армия, у нас связи в правительствах и финансовых кругах, все стремятся иметь с нами дело, просто поразительно, какие мы небожители. Но мы - Калифы на час. Против нас у зрителя есть одна маленькая машинка - переключатель каналов. Одно нажатие кнопки - и мы со всей нашей армией летим в тартарары. Но и это еще что! Если против переключателя мы еще как-то боремся, то летом к нему присоединяется еще более примитивное орудие. Оно сильнее нас со всеми нашими телехитростями. Это тяпка. Что делать против тяпки, мы не знаем.

- А пять серий «Тропиканки», как было во время выборов?

- Тяпка побеждает. Что же до «Тропиканки» и вообще сериалов, которые все клянут, то я, ей-Богу, не могу понять, за что. Сериал - это простенько и точно. Представьте себе обои, сплошь состоящие из «Джоконды». Да умрешь ведь. Турецкие огурцы и лютики на стенах - оно все же предпочтительнее.

- Ну а сами-то вы сериалы смотрите?

- Я, честно говоря, видел только первые двадцать серий про тех, которые тоже плачут, да еще «Санта-Барбару» смотрел эпизодически. Но все никак не мог понять, кто ж там такой Брэндон. Все про него говорят, как бы этого Брэндона спасти, куда бы его пристроить, а сам он так и не появляется. Отчаявшись увидеть лицо Брэндона, я перестал включать «Санта-Барбару» даже время от времени. Да мне и нельзя, поскольку фраза «Мы то, что мы едим» верна и в ментальном смысле. Да и некогда. Я вот взялся писать книжку - про то, как стать телеведущим.

- Когда закончите?

- Хороший вопрос. Я подхожу к компьютеру, пишу страницу-другую, а потом неделю не подхожу: не тянет. А потом вдруг тянет. Опять сажусь. А потом тупик, поскольку мне не хочется писать занудную книжку с модальными глаголами «является», «служит ярким подтверждением», а художественная ткань требует досуга. Досуга у меня нет.

Тут был со мной анекдот. Я остановился помыть машину. Как ни странно, мыли ее дамы. И вот одна из них узнала меня: «Боже, это ж ты каждый день работаешь? Как же ты, должно быть, устал!» А у меня слезы на глазах. Я смотрю на ее покрытые цыпками руки, на резиновый комбинезон и думаю: «До какой же степени благородна природа человека, если эта женщина мне сочувствует. Я девяносто минут поговорил в эфире с интересным человеком и ушел домой. Прекрасная работа. Да вам бы такую!»

Но, с другой стороны, думаю я, она ухватила суть. За эти 90 минут те механизмы, от которых зависит вообще вся мыслительная деятельность, достигают невероятной скорости движения. Вечером надо бы сесть за книгу, а я не могу. У меня в голове только кость. Отстрелялся.

- Теоретиком становитесь: книжка, преподавание, которым вы, говорят, занимались в РГГУ... Всерьез считаете, что можно «выучить на ведущего»?

- Быть телеведущим - это просто до остервенения. Это всего лишь набор нескольких профессиональных методик. Мне жаль тех, кто учится на телеотделениях журфаков: они проводят время в аудиториях и библиотеках. Это неправильно. Им надо проводить время в пивных. На трех вокзалах. В отделениях милиции. В судах. В лепрозориях. В хосписах. Не думаю, что есть другой способ научиться нырять, кроме как самому залезть в воду.

Лариса ХАВКИНА.

Несколько советов Диброва теленовичку

◆ Ни в коем случае нельзя начинать вопрос с имени-отчества собеседника. Потому что сразу за этим автоматически на язык навернется следующая конструкция: «Скажите, пожалуйста». И это еще полбеды, весь ужас заключается в том, что после «пожалуйста» обязательно повиснет липкая пауза. Это в лучшем случае. А то еще, чувствуя, как губительна пауза в эфире, неофит начнет заполнять ее звуками. Они напоминают завывание брачующегося козла: «Мэ-э-э». Вероятность подобного: 99 случаев из 100.

◆ Главное в ток-шоу - его начало. Середина - не твоя, она обязательно «провиснет». Потому что на 12-й минуте «провисает» любое телевыступление. Финал тоже от тебя не зависит. Это производное. Что остается у ведущего? Только начало.

◆ Нет ничего омерзительнее человека, который использует кресло ведущего, чтобы возвеличить свои достоинства в глазах окружающих. Если не знаешь, что такое престидижитация, не делай умную физию. Твое дело - лишь потешить зрителя. Зритель будет благодарен за любые попытки его потешить, но не простит снобизма.

Борис НОТКИН:

Склока в эфире снится мне в кошмарах

– Вы собираетесь вносить изменения в «Старый телевизор»?

– Нет, потому что программа настолько хорошо придумана и сконструирована, что внутри нее можно делать все что хочется.

– Нового ведущего всегда сравнивают со старым. У вас не было сомнений, что сравнение будет не в вашу пользу?

– Сомнения были, поскольку я в отличие от Диброва не очень артистичен, у меня несколько другая манера. И пока что мне еще не удалось поймать нужную интонацию.

– После того, что произошло в эфире Диброва с Раскиным, вас не ограничили в выборе гостей программы?

– До сих пор я сам не сделал ни одного предложения поучаствовать в программе. Этим занимаются редакторы. Но, когда привыкну к передаче, у меня, надеюсь, будет больше свободы выбора.

– Что вы станете делать, если один из гостей начнет в прямом эфире рассказывать неприличные анекдоты?

– Это как раз то, что снится мне в кошмарных снах. Устраивать склоку в эфире – это себя похоронить. Но что делать в подобных ситуациях, я пока не знаю.

Когда верстался номер, стало известно: «Старый телевизор» снова ведет Лев Новоженов, первый ведущий программы. Постоянная ли эта замена, пока неясно.